Доброноженко Галина Федоровна

"КУЛАК" КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1928-1929 ГГ.: РЕПРЕССИИ ЗА ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье рассматривается проблема конструирования социальных границ и социально-правового статуса группы "кулаки". Обосновано положение, что в налоговом законодательстве 1928-1929 гг. впервые были определены признаки социальной идентичности кулаков и механизм отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства. Показано формирование законодательной базы массовых репрессий за социальный статус "кулак". Предложена периодизация и раскрыты особенности репрессивной политики конца 1920-х гг. в отношении крестьян, идентифицируемых как "кулаки".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. I. С. 70-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Алиев Р.** Физули // Физули М. Избранное. Баку: Азернешр, 1958. С. 5-38.
2. **В гостях у Сказки: беседа с директором Детского музея «Жили-были» Татьяной Викторовной Пискаревой** [Электронный ресурс]. URL: http://ricolor.org/rus/5/vr/19 (дата обращения: 01.06.2014).
3. **Гулиев Г.** Азербайджанская литература: исторический очерк: учебное пособие. Баку: Нурлан, 2005. 532 с.
4. **Официальный сайт Дома сказок «Жили-были»** [Электронный ресурс]. URL: http://www.domskazok.ru (дата обращения: 16.09.2013).
5. **Физули М.** Избранное. Баку: Азернешр, 1958. 564 с.

WORK OF MUHAMMAD FUŻŪLĪ "DISPUTE OF FRUIT" IN CHILDREN'S MUSEUM OF LITERATURE

Dzhafarova Nazmin Rustam kyzy, Ph. D. in Art Criticism
National Museum of Azerbaijani Literature named after Nizami Ganjavi of National Academy of Sciences of Azerbaijan
nazminjafarova@gmail.com, nazmin17@mail.ru

In the article the author considers the practice of children's museums of literature and provides the conception of Children's Museum of Literature, which is planned in Azerbaijan. The plan of the programme that can be applied within the framework of the activities of such museums is also presented. The programme is based on the work of the great classic Muhammad Fużūlī ―Dispute of Fruit". Its purpose is to bring up mutual respect, understanding and tolerance in children. This theme is new for the museological branch of Azerbaijan due to the absence of such museums in the country.

Key words and phrases: Children's Museum; Muhammad Fużūlī; the Azerbaijani literature; allegory; upbringing; respect.

УДК 058.244(316.344)
Исторические науки и археология

В статье рассматривается проблема конструирования социальных границ и социально-правового статуса группы «кулаки». Обосновано положение, что в налоговом законодательстве 1928-1929 гг. впервые были определены признаки социальной идентичности кулаков и механизм отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства. Показано формирование законодательной базы массовых репрессий за социальный статус «кулак». Предложена периодизация и раскрыты особенности репрессивной политики конца 1920-х гг. в отношении крестьян, идентифицируемых как «кулаки».

Ключевые слова и фразы: крестьянство; сельские эксплуататоры; «классовый враг»; социальная идентичность; социально-экономические признаки кулацких хозяйств; дискриминация и репрессии за социальный статус.

Доброноженко Галина Федоровна, д.и.н., доцент
Сыктывкарский государственный университет
g_dobronozhenko@mail.ru

«КУЛАК» КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1928-1929 ГГ.: РЕПРЕССИИ ЗА ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ©

В условиях хлебозаготовительных кризисов конца 1920-х гг. в программно-политических документах конструируется теория «обострения классовой борьбы» в условиях «наступления социализма» и образ «классовых врагов», среди которых на первом месте были названы кулаки.

До 1928 г. в союзном законодательстве не были определены признаки «сельских эксплуататоров» («кулаков») и закреплен их социально-правовой статус. «Кулаки» как самостоятельная социальная категория не были юридически оформлены и потому не имели четких социальных границ.

В законодательстве 1928-1929 гг. впервые были сконструированы социальные границы группы «кулаки» и определен механизм отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства.

Проблема критериев идентификации кулацких хозяйств, несмотря на ее значимость, остается одной из наименее изученных в новейшей историографии. Историки, как правило, ограничиваются лишь характеристикой постановления СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (не первого и не самого главного, с точки зрения практической значимости законодательного акта). Перечисленные в постановлении признаки оцениваются как неопределенные (расширительные), под которые можно было подвести практически любое крепкое хозяйство, что и «создавало базу для массового произвола не местах» и использовалось при раскулачивании [2, с. 32-33; 3, с. 8; 5, с. 122; 6, с. 148; 11, с. 19]. Требуют уточнения и корректировки два утверждения: четкие, однозначно интерпретируемые «объективные классовые критерии» определения кулацких хозяйств, к которым стремились большевики, не были

© Доброноженко Г. Ф., 2014

найдены; политические признаки являлись результатом неопределенности социально-экономических признаков [16, с. 112, 118, 121; 17, с. 100].

Признаки кулацких (нетрудовых) хозяйств и особый порядок выплаты налога не по нормам, а в индивидуальном порядке впервые были определены в Положении о сельскохозяйственном налоге на 1928/29 г. (21 апреля 1928 г.). В самой общей форме в нормативных документах наркомфинов СССР и РСФСР был приведен перечень признаков кулацких хозяйств и определены контрольные задания по их выявлению (около 3% по каждой союзной республике) [7, д. 761, л. 114-115, 196].

Первые итоги проведения кампании по выявлению кулаков были подведены в августе 1928 г. (405 тыс. кулацких хозяйств, или 1,6% всех хозяйств) [9, д. 191, л. 2, 9-10]. Информация о ходе кампании, поступавшая в центральные финансовые органы, показала, что при непонимании местными работниками нового метода обложения и субъективном подходе к определению «классовой» принадлежности к кулацким относились трудовые хозяйства. В сентябре 1928 г. центральные финансовые органы рассылают директивы, требующие провести проверочные кампании и пересмотреть правильность применения индивидуального обложения и принять срочные меры для исправления допущенных ошибок [1, д. 1, л. 29, 86; 8, д. 273, л. 196; 18, с. 391]. Особенностью проверочной кампании 1928 г., отличающей ее от всех последующих, было не выявление новых кулаков, а исключение хозяйств, не имеющих эксплуататорских доходов. В результате численность хозяйств, признанных кулацкими, сократилась до 120 тыс. (0,89%) [10, д. 546, л. 54].

Положение о сельхозналоге на 1929/30 г. (20 февраля 1929 г.) выделяло две группы кулаков: «явно кулацкие хозяйства», облагаемые налогом на общих с «трудовыми» хозяйствами основаниях, но лишаемые предусмотренных законодательством льгот, и «наиболее богатые», выплачивающие налог в индивидуальном порядке (не менее 2 и не более 3% всех крестьянских хозяйств) [12]. Установление признаков «явно кулацких хозяйств» (в союзном законодательстве они были сформулированы в самой общей форме) относилось к компетенции союзных республик.

Критерии идентификации «наиболее богатых» кулацких хозяйств были определены в законодательстве о сельхозналоге. В нормативно-правовых документах центральных финансовых органов разъяснялись наиболее распространенные эксплуататорские признаки (применение наемного труда, скупка и торговля). Определялся также ряд существенных ограничений в их трактовке. Во-первых, оговаривался срок действия нетрудовых доходов (предшествующий окладный год): хозяйства, имеющие нетрудовые доходы до мая 1928 г., обложению налогом в индивидуальном порядке не подлежали. Во-вторых, указывался ограничительный минимум размера дохода, ниже которого хозяйство не могло облагаться налогом в индивидуальном порядке (500 руб., в том числе нетрудовой доход – более 125-150 руб.). В-третьих, в постановлениях местных исполкомов оговаривались количественные ограничители и по другим эксплуататорским признакам, в том числе за применение наемного труда.

Наркомфины СССР и РСФСР дали право краевым и областным исполкомам вносить изменения в перечень признаков кулацких хозяйств «применительно к особенностям отдельных районов», предупредив о недопустимости чрезмерного их расширения и дополнения, чтобы не допустить повторения ошибок предыдущего года [8, д. 271, л. 53-57, д. 274, л. 1-22, д. 275, л. 287, 301 – 301 об., 309 об.].

В обязательных постановлениях о признаках кулацких хозяйств многих региональных органов управления, а в налоговой практике повсеместно (особенно с осени 1929 г.), установленные законодательством две категории кулаков фактически не выделялись, и все хозяйства, признанные эксплуататорскими, облагались налогом в индивидуальном порядке.

Итоги проведения учетной кампании (май-июль 1929 г.) показали невыполнение минимальных заданий по выявлению 2% кулацких хозяйств в большинстве регионов страны. В основных зерновых районах РСФСР количество хозяйств, признанных кулацкими, колебалось в пределах от 1,1 до 1,7%, в незерновых – от 0,4 до 1,2% [9, д. 191, л. 89].

Сформулированные в законодательстве социально-экономические признаки и требования их строгого соблюдения, позволяя выявлять эксплуататоров (их было в деревне очень мало), являлись существенным ограничителем в расширении социальных границ группы «кулаки» за счет крестьян, с точки зрения власти, «враждебно настроенных к власти».

В сентябре-октябре 1929 г. секретными директивами НКФ СССР были внесены изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую эксплуататорские признаки, с целью устранения «всех формальных моментов, которые в малейшей степени препятствовали полному выявлению кулаков». В конце сентября 1929 г. НКФ СССР отменил установленный весной минимальный суммовой признак дохода, при наличии которого допускалось облагать хозяйство сельхозналогом в индивидуальном порядке. Местным исполкомам предписывается внести изменения в обязательные постановления: расширить признаки, служащие для определения кулацких хозяйств, и пересмотреть (или отменить) установленные ранее количественные ограничители, в том числе и по признаку «применение наемного труда». НКФ СССР потребовал относить к кулацким все хозяйства, имеющие один из признаков, вне зависимости от размеров дохода (в том числе и нетрудового) или наемного труда [1, д. 1, л. 86; 8, д. 309, л. 38, д. 275, л. 280].

С осени 1929 г. региональные органы управления в директивах, а местные работники в своей практической работе по выявлению кулаков руководствовались не нормативно-правовой базой первой половины 1929 г., а новыми секретными директивами центральных финансовых ведомств. Пересматриваются признаки эксплуатации и принимаются новые контрольные цифры по дополнительному контингенту подлежащих выявлению кулацких хозяйств, суммах начисления на них сельхозналога.

Отмена основных ограничений в трактовке эксплуататорских признаков устранила существовавшие ранее серьезные препятствия и позволила определять «классовое лицо» по политическим критериям, формально подкрепляя их социально-экономическими признаками. Таким образом, была создана необходимая «правовая» база для превращения «кулаков» из социально-экономической группы сельских эксплуататоров в социально-политическую группу «классовых врагов».

По итогам налоговой кампании 1929/30 г. в стране было выявлено 706,6 тыс. кулацких хозяйств, или 2,8% (напомним, в 1928/29 г. – 220 тыс., или 0,89%) [9, д. 191, л. 30].

При выявлении новых кулацких хозяйств осенью-зимой 1929 г. происходила целевая интерпретация фактов (вынужденный наем рабочей силы признается признаком эксплуатации и пр., или придумываются несуществующие признаки) и целевая интерпретация поступков индивидуумов (выступление крестьянина с критикой местного работника оценивается как «антисоветское», а пьяная драка односельчан – как «кулацкий террор»).

В законодательстве 1928-1929 гг. был сконструирован социально-правовой статус группы «кулаки». Новое законодательство предусматривало применение дискриминационных мер в отношении кулаков: ограничение прав на пользование землей, сдачу ее в аренду и применение наемного труда, введение запрета на кредитование и приобретение сельхозорудий и машин, на вступление в колхоз, введение особого порядка выполнения государственных заданий и повинностей.

В конце 1920-х гг. идет процесс формирования законодательной базы массовых судебных репрессий, в том числе и определение особого порядка применения репрессий за социальный статус. В новый УК РСФСР, принятый в 1926 г., вошла знаменитая 58-я статья. Юридическим основанием репрессий в отношении крестьян за невыполнение государственных заданий по заготовкам и невыплату налоговых платежей были ст. 60, 61, 79, 107 («Иные преступления против порядка управления»), ст. 131 («Преступления хозяйственные») и ст. 169 («Имущественные преступления»).

Особенность нормативно-правовой базы репрессий по решению судебных органов состояла в том, что УК РСФСР 1926 г. и новые редакции статей, принятые в 1927-1929 гг., не предусматривали каких-либо различий в наказаниях в зависимости от социальной принадлежности. Особые меры социальной защиты и возбуждения уголовного преследования в отношении «кулацких элементов деревни» определялись в секретных подзаконных актах НКЮ и Верховного суда РСФСР. Органы юстиции должны были руководствоваться не соображениями формально-юридического характера (статьями УК РСФСР 1926 г. и новыми редакциями статей), а главным образом – «теневым законодательством», регламентирующим «классовый подход» [4, с. 50-52].

Существенные изменения были внесены в порядок применения репрессий по решению административных органов. Летом-осенью 1928 г. была узаконена конфискация имущества крестьян по решению сельского совета за невыплату налоговых платежей и определены особые условия конфискации имущества кулаков, которые дали правовые основания для полной экспроприации кулацких хозяйств [13; 14; 15].

В репрессивной политике в отношении крестьян, отнесенных к кулакам, можно выделить два этапа. В 1928 г. – первой половине 1929 г. применяются репрессии по решению судебных органов за невыполнение заданий по заготовкам и налогам (штраф, конфискация имущества, принудительные работы и лишение свободы) и привлечение крестьян органами прокуратуры и суда, ОГПУ по «контрреволюционным преступлениям» (конфискация имущества, лишение свободы, расстрел). С лета-осени 1929 г. в дополнение к репрессиям в судебном порядке начинается массовая экспроприация кулацких хозяйств (раскулачивание) по решению органов исполнительной власти за невыполнение государственных повинностей.

Таким образом, в конце 1920-х гг., с определением в законодательстве признаков социальной идентичности кулаков и конструированием нового правового статуса группы, объектом политики становятся конкретные лица. Особенность социальной политики государства конца 1920-х гг. состояла в том, что дискриминационные меры и политические репрессии применялись к крестьянам за индивидуальный статус («кулак»), а не за социальную принадлежность к групповой статусной позиции («кулаки»).

С провозглашением в конце 1929 г. политики «ликвидация кулачества как класса» кардинально меняется характер репрессий в отношении крестьян, идентифицируемых властью как кулаки. Основная цель и особенность социальной политики 1930-1932 гг. были определены в ее официальном названии – ликвидации подлежали хозяйства за социальную («классовую») принадлежность к групповой статусной позиции («кулаки»). Репрессии носят списочный характер и направлены не на конкретное лицо за совершенное им «преступление», а на социальную группу, отвечающую заданным сверху параметрам.

Список литературы

1. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. А-411. Оп. 16.
2. **Гущин Н. Я.** «Раскулачивание» в Сибири. 1928-1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири. Серия «Отечественная история». Новосибирск, 1996. № 2. С. 31-36.
3. **Данилов В. П., Красильников С. А.** Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск: Наука, 1992. С. 3-16.
4. **Доброноженко Г. Ф.** Нормативно-правовая база судебных репрессий при проведении политики «ликвидации кулачества как класса» (первая половина 1930 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 49-54.

5. **Марискин О. И.** Налоговая политика и сплошная коллективизация сельского хозяйства в СССР: по материалам Среднего Поволжья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6. Ч. 2. С. 121-124.
6. **Околотин В. С.** Власть и налоги (1923-1936). Иваново: Русский Манчестер, 2002. 237 с.
7. **Российский государственный архив экономики** (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 5.
8. **РГАЭ.** Ф. 7733. Оп. 7.
9. **РГАЭ.** Ф. 7733. Оп. 8.
10. **РГАЭ.** Ф. 7733. Оп. 12.
11. **Савельев С. И.** Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов: Сарат. гос. сельско-хоз. академия, 1994. 149 с.
12. **Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР** (СЗ СССР). 1929. № 12. Ст. 103.
13. **СЗ СССР.** 1929. № 64. Ст. 593.
14. **СЗ СССР.** 1929. № 71. Ст. 672.
15. **Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР** (СУ РСФСР). 1929. № 60. Ст. 589.
16. **Современные концепции аграрного развития: теоретический семинар. Обсуждение книги Штефана Мерля «Аграрный рынок и новая политика. Зарождение государственного управления сельским хозяйством в Советском Союзе. 1925-1928 гг.»** // Отечественная история. 1995. № 3. С. 101-135.
17. **Солопов А.** Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории / под ред. В. В. Журавлева. М.: Политиздат, 1991. С. 83-100.
18. **Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание (1927-1939)**: документы и материалы в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. 880 с.

“KULAK” AS OBJECT OF SOCIAL POLICY IN 1928-1929: REPRESSIONS FOR INDIVIDUAL IDENTITY

Dobronozhenko Galina Fedorovna, Doctor in History, Associate Professor
Syktyvkar State University
g_dobronozhenko@mail.ru

In the article the issue of the construction of social borders and the social and legal status of ―kulaks” group is considered. The author grounds a proposition that in the tax legislation of 1928-1929 the characteristics of kulaks’ social identity and the mechanism of the selection of peasants, who formed this part of social space, were defined for the first time. The formation of the legislative base of mass repressions for the social status ―kulak” is shown. The periodization of repressive policy at the end of the 1920s in respect of peasants, who were identified as ―kulaks”, is suggested and the peculiarity of the policy is revealed.

Key words and phrases: peasantry; rural exploiters; ―class adversary”; social identity; social and economic characteristics of kulaks’ farms; discrimination and repressions for social status.

УДК 343.851
Юридические науки

Представленная автором работа раскрывает специфику предупреждения дорожно-транспортной преступности. Статья содержит анализ основных составляющих дорожно-транспортной преступности в России, исследование объектов и субъектов предупредительной деятельности, классификацию рассматриваемых мероприятий, а также исследование современных тенденций предупреждения дорожно-транспортной преступности с учетом использования наносистем и разработок в области информационного обеспечения.

Ключевые слова и фразы: предупреждение; дорожно-транспортная преступность; классификация; объект и субъект предупреждения.

Ефимова Елена Олеговна
Юго-Западный государственный университет
pragmatik-alenka@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ©

Одним из главных направлений деятельности по борьбе с преступностью, в том числе неосторожной, является ее предупреждение. Спецификой такого предупреждения является то, что оно всегда направлено на выявление, послабление или ликвидацию причин и условий, порождающих преступность, выступая своего рода показателем эффективности криминологических исследований. Жесткая регламентация предупреждения как одной из категорий криминологии со стороны закона объясняется, по нашему мнению, тем, что

© Ефимова Е. О., 2014